

УДК 930.9(396.4)

ББК 63.3(0)329.5

Восстание греков-колонистов в Бактрии в 325 г. до н.э.: некоторые проблемы политической истории

Е.О. Стоянов

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург,
Россия)

The Greek Colonists' Uprising in Bactria in 325 B.C.: Some Problems of Political History

E.O. Stoyanov

Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)

Статья посвящена ряду спорных проблем «внутренней» истории первого восстания греков-колонистов, произошедшего в Бактрии в 325 г. до н.э. Автор разделяет мнение о принципиальном противоречии между полисными ценностями греков и восточной политикой (в том числе градостроительной практикой) Александра как основной причине выступления. Движение было чисто греческим по составу и носило явно выраженную антимакедонскую направленность. Степень вовлеченности в мятеж местного населения неясна, однако нельзя исключать вероятности тактического альянса бактрийцев и греков.

Особое внимание уделено анализу форм политической жизни и внутренней борьбы в лагере повстанцев. Практически все важные решения принимались или санкционировались собранием, особенности функционирования которого до конца не ясны. Автор делает предположение о возможной регенерации в среде мятежников некоторых черт полисной организации. Принятие вождем восставших Афинодором царского титула оценивается и сквозь призму политических традиций отдельных регионов эллинского мира, и как вероятное свидетельство сдвигов в политическом сознании греков в эпоху поздней классики. В завершении статьи подвергнута критическому разбору гипотеза Ф. Холта об Афинодоре и Битоне как представителях различных фракций повстанцев: по мнению автора, источники не дают для этого оснований.

Ключевые слова: эллинизм, Бактрия, греки, наемники, колонисты, восстание.

DOI 10.14258/izvasu(2016)4-37

Восстания греческих военных колонистов, первое из которых вспыхнуло в Бактрии в 325 г. до н.э., а второе двумя годами позже, охвати-

The article investigates several controversial issues of the “internal” history of the first Greek colonists’ uprising which took place in Bactria in 325 B.C. The author shares the opinion that the principal cause of the revolt was Alexander’s eastern policy (especially his city-founding practice) which came into conflict with the traditional Greek polis values. The rebellion was Greek and anti-Macedonian, but rebels’ relationship with the native population of Bactria is uncertain. The author concedes the existence of a tactical alliance between the Greeks and the Bactrians. The main attention is paid to the political life and the internal struggle of the rioters. All important questions were approved and sanctioned by a certain assembly of the Greeks, but the details are unknown. The author assumes the possibility of regeneration of the police structures among the insurgents. The assumption of the royal title by the leader of rebels, Athenodorus, is considered both as a probable heritage of regional traditions (Peloponnesian etc.) and also as a sign of the change which took place in the political mentality of the Greeks in the 4th century B.C. In the final part of the article the author critically estimates F. Holt’s hypothesis about Athenodorus and his rival Biton as representatives of two different political factions of the rebellious Greeks.

Key words: Hellenism, Bactria, Greeks, mercenaries, colonists, uprising.

ло также ряд соседних сатрапий, относятся к сюжетам, историографическая разработанность которых пока серьезно уступает их значимости.

Между тем это не просто одни из немногих эпизодов региональной истории, отраженные в письменных источниках с известной обстоятельностью, — они ярко высвечивают ряд особенностей социальной и политической жизни северо-восточной окраины еще только формирующегося эллинистического мира.

При том, что оба восстания постоянно фигурируют в соответствующих разделах обобщающих работ по истории эллинизма и Центральной Азии [1, с. 30–31; 2, с. 22–23; 3, с. 199–200; 4, с. 12–19; 5, с. 25–27; 6, с. 23–25; 7, с. 130–134; 8, с. 30–32], дело чаще всего ограничивается конспективным пересказом источников без серьезного их анализа. Исключения наперечет: отметим исследование Г.А. Кошеленко об идеологии повстанцев (единственная специальная работа на эту тему в отечественной литературе) [9, с. 59–78; 10, с. 181–221], детальный экскурс в монографии Ф. Холта [11, с. 82–91] и, наконец, статью М. Илиакиса [12, с. 182–195]. Однако и эти, безусловно, ценные работы далеко не исчерпали всю проблематику, связанную с историей восстаний. Так, в частности, ситуация почти никогда не рассматривалась «изнутри», хотя источники дают для этого достаточный материал. Именно такая попытка — оценить формы политической жизни восставших в контексте тенденций эпохи — предпринята нами в предлагаемой статье (на материале первого восстания, что в значительной степени обусловлено спецификой имеющихся источников).

О восстании сообщают два автора: Диодор Сицилийский (кратко) и Курций Руф (развернуто) [Diod. XVII. 99.5–6; Curt. IX. 7.1–11]. Согласно Курцию, во время индийской кампании Александра греческие воины, расселенные в окрестностях Бактр, подняли мятеж и заняли город. Своей целью повстанцы провозгласили возвращение на родину. Их вождь Афинодор, принявший царский титул, был убит на пиру соперником — неким Битоном (или Биконом) и его сообщником бактрийцем Боксом. Битону удалось спастись от гнева соплеменников, убедив их, что Афинодор сам злоумышлял против него. Но вскоре, продолжив интриги уже против своих избавителей, Битон навлек на себя новый гнев мятежников. Он и Бокс были схвачены, причем бактриец казнен сразу же, а Битона решили предать мучительной смерти. Однако и в этот раз расправа не состоялась, и повторно спасшийся Битон вместе с другими вернулся на родину. Диодор описывает те же события гораздо лаконичнее, добавляя при этом ряд отсутствующих у Курция деталей (именно у него говорится о трех тысячах повстанцев, намеревавшихся вернуться домой).

Отметим расхождения двух авторов. Диодор дает краткую справку, тогда как большую часть рассказа Курция составляет новелла об Афинодоре и Битоне. Однако различны здесь не только объем информации (XVII книга Диодора вообще компактнее сочинения Курция) и стиль ее подачи, но и некоторые детали содержания: так, авторы по-разному говорят о причинах восстания (у Диодора — нежелание жить среди варваров, у Курция — страх некоего наказания) и его итогах (у Курция мятежникам удалось вернуться домой, у Диодора — они были впоследствии перебиты). Это позволяет предположить (вопреки авторитетному мнению Н. Хэммонда [13, с. 154]), что непосредственные источники Диодора и Курция все же различны, даже если восходят в итоге к общему первоисточнику. Важно при этом подчеркнуть, поскольку рассказ Курция является опорным для дальнейшего анализа, нет оснований считать его плодом авторского вымысла. Показательно, например, что некоторые детали повествования (причины возмущения, обстоятельства повторного спасения Битона) не до конца понятны самому автору, очевидно, воспроизводящему более раннюю традицию.

Что же можно сказать о «внутренней» истории восстания? Его движущей силой и основными участниками были, безусловно, именно греки-колонисты. Вне сомнений антимакедонская направленность движения, попытки же представить его хотя бы отчасти греко-македонским [6, с. 23–24; 11, с. 82–83] не находят опоры в источниках.

Мотивы, побудившие колонистов к выступлению, недвусмысленно обозначены Диодором [Diod. XVII. 99.5]: греки давно уже с трудом переносили совместную жизнь с варварами ("Ἕλληνας ἐκ πολλοῦ μὲν τὸν ἐν τοῖς βαρβάροις κατοικισμὸν χελεπῶς ἔφερον), и поэтому восстали сразу же после появления слуха о смерти царя. Семантика многозначных понятий ἀγωγή и διαίτα была детально проанализирована Г.А. Кошеленко, показавшим, что речь здесь идет о греческом образе жизни в широком смысле слова [10, с. 186–197] (ср. аналогичные по смыслу переводы: [14, с. 19; 15, с. 52; 8, с. 31]). Важнейшим его элементом было полисное устройство, возвышавшее эллинов в их собственных глазах над варварами [10, с. 202–206; 16, с. 21–29]. Восточная политика Александра, игнорировавшая эту дихотомию, вошла в противоречие с базовыми общественными ценностями греков конца IV в. до н.э. — пусть даже и воина-наемника. Афинодор и его сторонники провозгласили своей целью возвращение на родину (*in patriam revertendi* [Curt. IX. 7.3]).

Сменивший Афинодора Битон попытался осуществить ее на практике. Неясно, впрочем, все ли колонисты были настроены столь решительно или только те три тысячи, о которых говорил Диодор.

Важный вопрос, не поддающийся, увы, однозначной трактовке, — роль в событиях местного населения. По Курцию, мятежники *barbaros quoque in societatem defectionis impulerant* [Curt. IX. 7.2]. Глагол *impello* может быть понят по-разному: от «побудили» до «вынудили». Неясно, какая часть бактрийцев и согдийцев поддержала выступление, добровольной [14, с. 18] или нет [12, с. 188] была эта поддержка. Во всяком случае, стремление мятежников оставить Бактрию делало возможной их тактическую коалицию с местным населением: уход греков парадоксальным (на первый взгляд) образом устраивал и тех, и других (см., напр. [11, с. 83–84]). По имени известен лишь один бактриец — некий Бокс (*Boxus*, из иранск. *Vuxša* [17, с. 399]), сыгравший в мятеже заметную роль. К сожалению, биографические данные о нем только именем и ограничиваются, поэтому любые гипотезы о его социальном статусе и происхождении остаются лишь гипотезами.

Еще более любопытный материал предоставляет рассказ Курция для характеристики политической жизни и политической борьбы в среде повстанцев. Так, у них функционировало некое собрание, являвшееся, очевидно, базовой формой их самоорганизации. Курций один раз называет его прямо (*contio* [Curt. IX. 7.5]), прибегая также к синонимам (*multitudo* [Curt. IX. 7.6]). Именно к этому собранию апеллирует Битон после убийства Афинодора, убеждая колонистов в злокозненности последнего (любопытно, что убедить удалось не всех, и греки взялись за оружие). Скорее всего, Битон и Бокс были впоследствии судимы и приговорены к смерти тем же собранием (или делегированными им представителями?). Судя по рассказу о всеобщем смятении, спасшем жизнь Битону [Curt. IX. 7.8–10], казнь должна была приводиться в исполнение также в присутствии членов собрания, которые в итоге помиловали представшего перед ними Битона.

При этом Курций особо отмечает роль *principes* мятежников (в рассказе о бактрийском восстании — дважды, в том числе применительно к Афинодору [Curt. IX. 7. 3, 6]), манипулирующих мнением массы. Неясно, впрочем, стоит ли относить детали, негативно характеризующие повстанцев и их вождей, на счет традиционной

для Курция риторики. Мотив неразумной, непредсказуемой и мятежной толпы — один из сквозных в его сочинении (характерные в этом отношении пассажи [Curt. IV. 10.7; X. 7.11]).

Как интерпретировать данные Курция? С одной стороны, можно расценить *contio* повстанцев как окказионально возникшую форму самоорганизации, наиболее рациональную и естественную в данном случае и, видимо, достаточно примитивную. Не исключено, что оно воспроизводило основные черты воинской сходки (обратим внимание, что участники собраний вооружены и в напряженной ситуации своим оружием пользуются [Curt. IX. 7. 6, 8]). Вообще *contio* у Курция практически всегда обозначает именно воинское собрание [Curt. IV. 10.16; VI. 2.21, 9.1; VII. 2.11; IX. 1.1, 2.12, 4.19; X. 2.18, 3.1, 6, 5.10, 7.1, 3, 4, 10, 13, 8.7], что, однако, вполне может объясняться сюжетной спецификой.

С другой стороны, можно увидеть здесь и черты политической организации более высокого порядка — своего рода регенерацию традиционных полисных структур, тем более, что именно отсутствие таковых было одной из фундаментальных причин выступления греков.

На каком бы варианте, впрочем, мы ни остановились, существенное различие их не столь уж велико: можно говорить о действии сходных механизмов политической самоорганизации, правда, разного уровня сложности¹.

Но Курций отмечает еще одну черту политической жизни восставших греков, гораздо более любопытную: речь идет о самовольном принятии Афинодором царского титула [Curt. IX. 7.3]. И хоть его мотивы были, по Курцию, достаточно утилитарными (*non tam imperii cupidine quam in patriam revertendi cum iis, qui auctoritatem ipsius sequebantur*), показателен сам факт принятия лидером повстанцев монархического титула — уже упомянутым воинам Ксенофонта столетием ранее для аналогичной цели царь не понадобился. Неизвестно, каково было количество сторонников Афинодора (возможно, это именно те три тысячи желавших возвращения, о которых говорит Диодор: [Diod. XVII. 99.6]), однако в их глазах царская власть, очевидно, являлась вполне легитимной формой руководства.

С одной стороны, это можно отчасти объяснить происхождением наемников: многие из них могли быть выходцами из тех областей эллинского мира, где царская власть сохранилась в том или ином виде (обзор см.: [18, с. 231 ff.]). В частности, известно, что именно на период поздней класси-

¹ Здесь уместно будет привести хрестоматийный пример: 10 тысяч Ксенофонта, не раз характеризовавшихся как своего рода мобильный экстерриториальный полис.

ки и раннего эллинизма приходится значительный отток населения с Пелопоннеса², и вполне вероятно, что они могли оказаться в итоге среди наемников-колонистов Бактрии. Кстати, лакедемонская традиция царя-военачальника во многом близка той роли, которую взял на себя Афинодор.

С другой стороны, можно с известной осторожностью предположить, что перед нами определенное свидетельство идеологического сдвига, произошедшего в сознании греков в IV в. до н.э.: возможно, что совмещение монархической идеи с традиционными полисными ценностями к этому времени уже не было уделом одних лишь интеллектуалов вроде Исократы, но начало проникать (пусть и упрощенном виде) в различные слои греческого общества.

С царским титулом Афинодора связана любопытная гипотеза, высказанная в свое время Ф. Холтом [11, с. 84–85]. Согласно ей, Афинодор и Битон являлись лидерами различных «фракций» повстанцев — радикальной и более умеренной соответственно. И убийство Афинодора Битоном следует рассматривать не как результат личных амбиций последнего, но как проявление недовольства части восставших радикализмом вождя (выразившимся в том числе в присвоении царского титула). При всем изяществе этой гипотезы мы, к сожалению, не можем признать ее вполне аргументированной. Все, что мы достоверно знаем о программе Битона, не позволяет противопоставлять ее на-

мерениям Афинодора: и тот, и другой собирались вернуться на родину во главе своих сторонников. О других нюансах их «программ» (и расхождений — если таковые были) ничего неизвестно. Действия Битона поданы Курцием как серия интриг хитроумного и предприимчивого одиночки (при содействии бактрийца Бокса, что, впрочем, еще не означает поддержку со стороны всех бактрийцев) — не видно, чтобы за ним стояла какая-либо группа приверженцев. Поэтому приписывание Битону дополнительных идеологических мотивов кажется нам искусственным. Что же касается царского титула, то Афинодор принял его, очевидно, когда Александр еще считался погибшим. Битон же действовал в совершенно иной ситуации, к тому же, провозгласил он себя царем после убийства соперника, это вызвало бы у соплеменников дополнительные сомнения в его честности: ведь он объяснял свой шаг исключительно кознями самого Афинодора. Сказанное не означает, что мы отрицаем наличие различных групп и фракций среди мятежников — они наверняка существовали, но судить о них по имеющимся источникам не представляется возможным.

В заключение еще раз подчеркнем, что имеющиеся данные о политической борьбе среди восставших в 325 г. до н.э. греческих колонистов Бактрии представляют интерес не только сами по себе, но и как отражение сложных процессов, происходивших внутри греческого общества на стыке эпох классики и эллинизма.

Библиографический список

1. Bayer Th.S. *Historia regni Graecorum Bactriani.* — Petropoli, 1738.
2. Дройзен И.Г. История эллинизма. Т. 2. История диадохов. — СПб., 2002.
3. Niese B. *Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Teil 1. Geschichte Alexanders des Großen und seiner Nachfolger und der Westhellener bis zum Jahre 281.* — Gotha, 1893.
4. Kaerst J. *Geschichte des Hellenismus. Bd. 2. Das Wesen des Hellenismus.* — Leipzig ; B., 1926.
5. Will É. *Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). Tome I. De la mort d'Alexandre aux avènements d'Antiochos III et de Philippe V.* — Nancy, 1966.
6. Bengtson H. *Die Diadochen. Die Nachfolger Alexanders (323–281 v. Chr.).* — München, 1987.
7. Coloru O. *Da Alessandro a Menandro: il regno greco di Battriana.* — Pisa ; Roma, 2009.
8. Waterfield R. *Dividing the Spoils. The War for Alexander the Great's Empire.* Oxford, 2011.
9. Кошеленко Г.А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. — 1972. — № 1.
10. Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. — М., 1979.
11. Holt F. *Alexander the Great and Bactria. The Formation of a Greek Frontier in Central Asia.* — Leiden, 1988.
12. Iliakis M. *Greek Mercenary Revolts in Bactria: a Re-Appraisal // Historia.* — 2013. — Bd. 62. 2.
13. Hammond N.G.L. *Three Historians of Alexander the Great. The So-Called Vulgate Authors: Diodoros, Justin and Curtius.* — Cambridge, 1983.
14. Cloché P. *La dislocation d'un empire. Les premiers successeurs d'Alexandre le Grand (323–281/80 avant J.-C.).* — P., 1959.

² Приносим глубокую благодарность Л.Г. Печатновой, обратившей наше внимание на этот факт.

15. Rathmann M. Perdikkas zwischen 323 und 320. Nachlassverwalter des Alexanderreiches oder Autokrat? — Wien, 2005.

16. Маринович Л.П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. — М., 2006.

17. Werba Ch. Die arischen Personennamen und ihre Träger bei den Alexanderhistorikern (Studien zur iranischen Anthroponomastik). Diss. — Wien, 1982.

18. Carlier P. La royauté en Grèce avant Alexandre. — Strasbourg, 1984.